

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
13 августа 1922 года.

Иллюстрированное приложение к № 135.

Цена 17 р. 50 к.
вместе с № газеты.

Последняя надежда.

Рис. худ. М. Черемных

„Профессор Озеров и другие буржуазные профессора требуют восстановления государственной винной монополии.“
(Из газет).

Чаю воскресения мертвых...

Рисунок
худ. И. Малютина

ПРОТЕСТ.

[То, что будет].

Пуанкаре, по обыкновению, играл в солдатики. Сбивал из пушки горошиной целые легионы немцев и русских. Опасливо оглядывался на входную дверь и метил пушкой в англичан.

В дверь постучали.

Пуанкаре моментально убрал солдатиков, вынул из портфеля пару бумаг и, севши за стол, президентским голосом сказал:

— Войдите!

За дверью послышался галдеж, шум, брань и в кабинет влетел испуганный и взерошенный камердинер:

— Ничего не мог сделать, вашество! ... Ворвались... вломилась... может, полицию позвать?

Пуанкаре побледнел, как мел, и мигом очутился под столом.

— Бунт? Мятеж? Кто это? Рабочие? Да, говори-же!!

— Так-что русские эмигранты, вашество.

Пуанкаре вылез из под стола, вытер потный лоб, отдышался и вдруг набросился с яростью на камердинера:

— Так что же ты пугаешь, негодяй!!! Ведь ты у меня пол-сердца вынул!

Камердинер молчал. Пуанкаре походил, успокоился:

— Так чего же хотят эти русские?

— Несут какую-то бумагу: начало здесь, в прихожей, а конец на улице оставить пришлось.

— Что-же это, декларация? Просьба о субсидии? Скажи, что сейчас мелочи нет.

— Не похоже, чтобы о субсидии...

— Может-быть, нота?

— Какая уж там нота. Разве та-кие могут ноты писать...

— Да, что они говорят то, по крайней мере?

— Говорят: „Проституем по делу эсеров“.

— А... а... а... — поморщился Пуанкаре. Ну,пусти их, да не всех, конечно, человек 5—6, почище которые...

В комнату неуклюже протиснулись Чернов, Мартов, Милюков, и еще пара других, с началом огромнейшей бумаги, на которой было написано: „Протест“, „Кассация“.

Загадали все разом:

— Что-же это получается? Теперь, выходит, ни одного Советского склада взорвать нельзя, ни одного поезда под откос спустить?

— Ни одного Володарского убить?

— И потом, что это за суд, — два месяца судили, всех распрашивали, в делах разбирались, бумаги сколько перевели... И что же?

— То ли дело у вас — чик и готово, — заметил Милюков.

— Я протестую, — донесся из прихожей бас Маркова II-го. — Я высчитал, что судебные издержки, затраченные на процесс, хватили-бы на устройство ха-а-а-рошего погрома! Протестую!

Пуанкаре рассеяно глянул в окно.

— Братия, протестую! Поборников церкви! Тимофеева! Гопа! Гендельма!.. кричал на улице какой-то румяный попик.

— Проституем! Против большевиков проституем! — кричали какие-то мрачные личности с трехцветными значками в петлицах.

Пуанкаре кашлянул. Мигом все стихло.

— Благодарю вас... господа, за про-

явленные верноподданнические чувства. Вполне разделяю ваше справедливое негодование против русских коммунистов. Но, к сожалению, сейчас я занят: у меня ведь есть свои коммунисты.

— Растрелять их! Растрелять! — завопила делегация, а внизу кто-то рявкнул пропойной октавой:

— Бей жидов! — Спасай Россию!

— Хорошо, я подумаю, я взвешу! С улыбкой ответил Пуанкаре. Зайдите попозже, как-нибудь на-двух. Протест-же можете оставить пока здесь, что-бы не носить обратно: я понимаю, как вам тяжело.

— Взвесит! Правильно! Всех их на виселицу! — орала расходившаяся делегация. И долго еще шумели под окнами мрачные личности с трехцветными значками в петлицах:

— Проституем! Против всей России проституем!

После ухода делегации, Пуанкаре подумал:

— А, пожалуй, правда нужно поддержать их протест. Все-таки, действительно, — большевистские зверства...

Он сел, обмакнул ручку в чернила и задумался. Долго писал, сокращал, перечеркивал. Морщил лоб.

Кончил, позвал камердинера. Отдал ему бумагу:

— Отнесите это на радио.

В бумаге значилось:

„Россия, В. Ц. И. К., копия Ленину. Опираясь на грандиозный протест широких кругов российских граждан, французское правительство требует уплаты долгов“.

В. Кумач.

Англо-Французская дружба.

Сотворение мира.

(Рассказы из библии).

Когда наступила на небе безработица, жить стало совсем скверно... Сатана разоружился, нападать было не на кого. Среди ангелов началось брожение. Дело могло дойти чорт знает до чего... Архангел Михаил предложил организовать национальные мастерские, но взяло верх предложение Гавриила — организовать трест для выработки земли.

Впервое правление треста вошел сам бог (председателем), а членами коллегии — архангелы Гавриил и Михаил.

Работали долго. Сначала вышла такая дрянь (совсем нашим трестам впору), что бог плюнул с досады и велел переделывать. Неудачники фельетонисты занесли потом в библию: „и были на земле тьма и хаос, как в любой советской канцелярии“...

Тогда бог решил электрифицировать землю. Крыжановского, правда, тогда еще не было, но, как это ни странно, свет появился. Работала ты-

сяча ангелов, и картинно выражающийся буржуазный небесный оффициоз писал: „и сказал бог — да будет свет, и стал свет“. А ангелов, которые делали всю эту проводку, совсем забыли, им даже не выдали дополнительной премии и кожаностюмов.

Небо напоминало собой нижегородскую ярмарку. Сновали агенты трестов, главков... были организованы — главморе, главскот, главрастение, главвоздух... от главков пыль стояла в глазах. О безработице не было и речи. Между небом и созданной землей установилось постоянное воздушное сообщение.

Долго ли, коротко ли, через несколько сотен лет земля была налажена. Бегали животные, благоухали растения... Все было новенькое, чистенькое, как будто только что из ГУМ'а. Бог довольно потирал руки. Трест на этом подряде заработал не малую толику денег. Архангел Михаил растучел до того, что с трудом влезал во врата рая.

Но... без оппозиции не обошлось и тут. Вылез усмиривший Сатана, оставивший за собой право критики, и внес предложение организовать еще человека... Шум поднялся невообразимый. Работать всем надоело, заработали достаточно, а тут еще — человека делай!..

Человека организовать все же решили. Для этой цели был послан на землю Гавриил. Гавриил получил солидный аванс и решил, что работать много не стоит. Почитал он учебник скульптуры, взял немного земли и... человек был готов. Одного только делал. Человек, — что комиссионер: пусти одного, другие сами набегут. Оттуда и пошел человеческий род.

Тогда возмутился женотдел. Как, а кто будет на машинках печатать, а кто будет милицию нравов разводить? Делать нечего. Особых сумм решили на это не затрачивать. Сократили у человека одно ребро и сделали женщину...

Наконец весь мир был готов. Устроили вечер воспоминаний, с ужином и выпивкой, и сдали мир за крупную сумму в аренду человеку...

На этом дело и закончилось. А оффициозный фельетонист писал: „шесть дней работал бог над сотворением неба и земли, а на седьмой день закончил и прилег отдохнуть“. Хорошие шесть дней! Очевидно, в деизнавах 1922 г.

Так был сотворен мир...

Исбах.

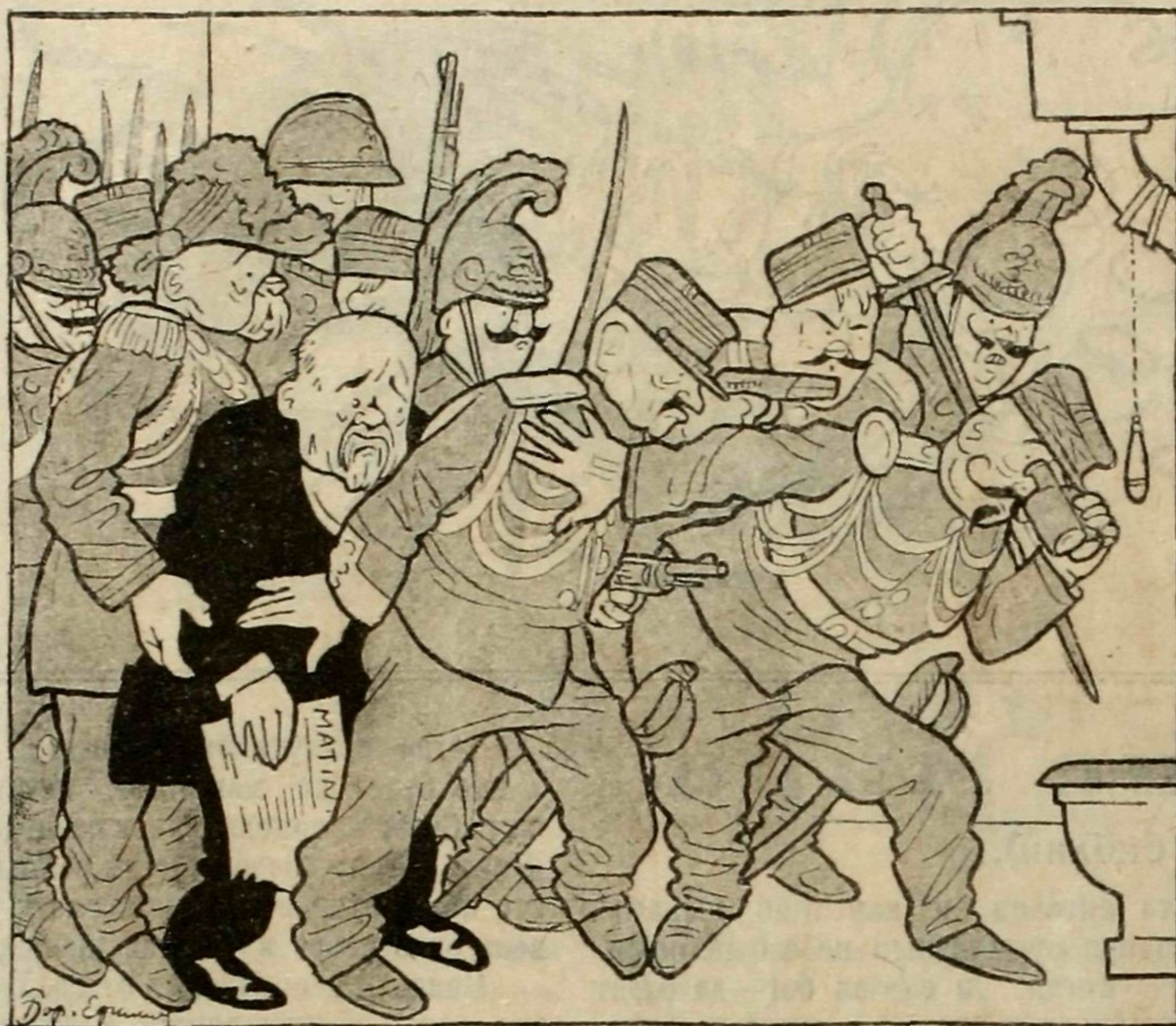
[Изповская муть]

(Рисунок совершенно с натуры).

Германские злоключения
Хвост вытащишь, янос увяз...

„Опасаясь покушения, Пуанкаре принимает неслыханные меры предосторожности и окружает себя громадной охраной“.

(Из газет).

— Не забрался ли кто-нибудь и сюда?!..

Старое на новый лад.

В Симоновском монастыре обнаружена самогонная фабрика.

Наливочка двойная,
Наливочка травная
Сквозь уголь пропускная, —
Очистительная.

Архимандрит отныне,
Как древле Ной в пустыне,
Нам гонит спирт из дыни
Соблазнительно.

Его преосвященство,
А с ним все духовенство
Варят до совершенства
Поразительно.

А послушники наши
Из пшенной гонят каши.
Как свинии лежаше
Укорительно.

Ключарь (лабазник в мире),
Читая по псалтыри,
Сварил ведра четыре
Удивительно.

Звонарь и тот не звонит,
От зависти все стонет
И четверть в сутки гонит
Приблизительно.

Не гонят и в Европе,
Как отче протопопе
Нам гонит на укрепе
Убедительно!

А я, как ни стараюсь,
Слезми ни обливаюсь,
Лишь кварталы добиваюсь
Укоснительно.

Но все-ж скажу я сице,
Что гнал я из пшеницы,
Какой нет и в столице
Положительно.

Я дьякон неизвестный
И спирт гоню чудесный
Из влаги из древесной
Поучительно!

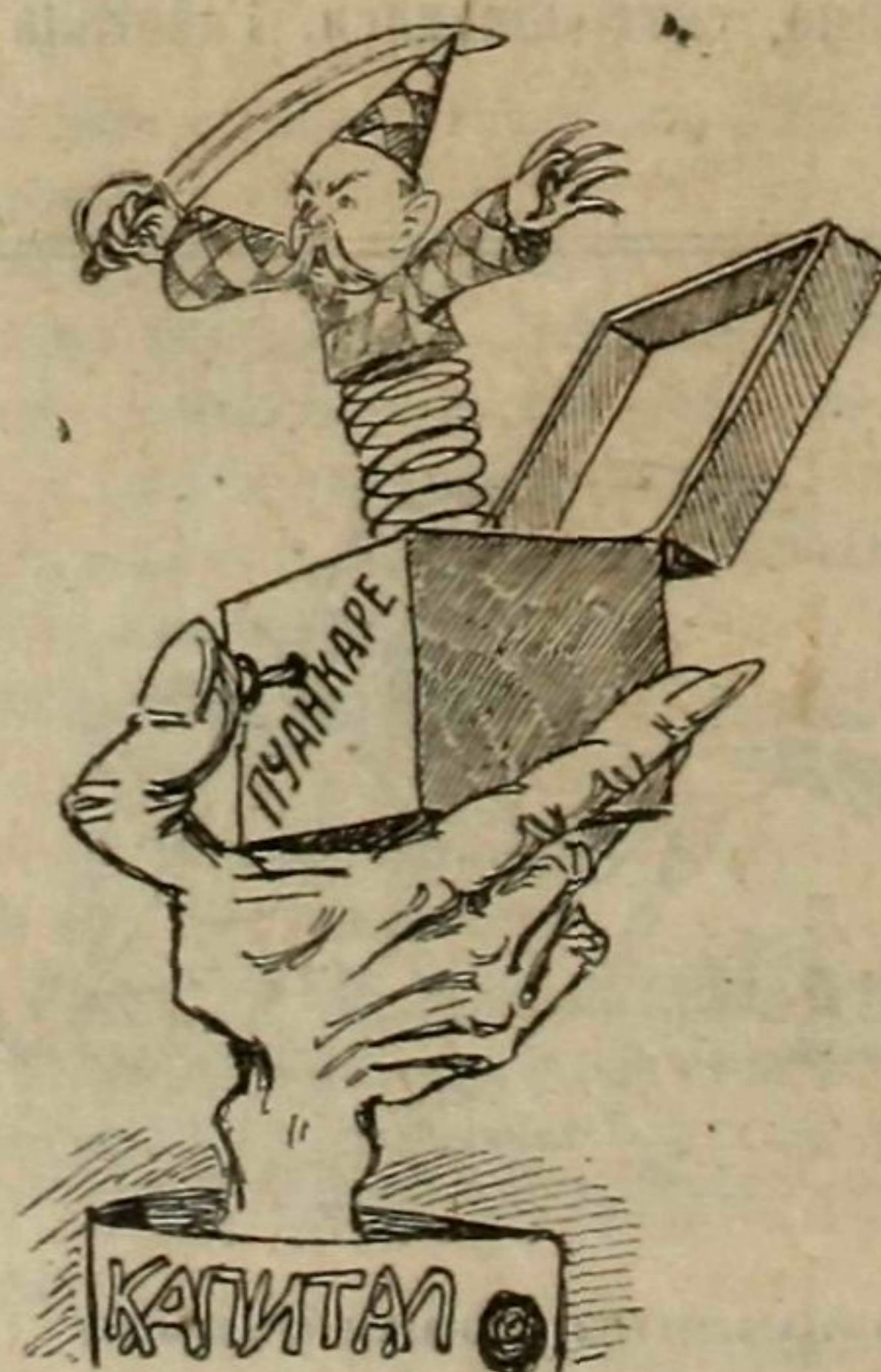
Воистину гусарский,
Но, горе!—Страх татарский
От власти пролетарской
Огорчительно!

То требует ответа,
То выпустит поэта
„Рабочая газета“—
Отвратительно!

А то-ли дело: сварить,
Попьешь да побазаришь:
— „Бонжур, отец—товаришш“!
Умилительно!

По этому случаю
Я сице отмечаю,
Что водка лучше чаю
Несравнительно!

Мних Пафнутий.

Христианская доброта.

Рис. худ. И. Малютина.

Ллойд-Джордж уговаривает Францию быть человечнее к Германии и не выводить ее из терпения непосильными требованиями.

Ллойд-Джордж — купец известный,
Большой торговый спец,
Не так, чтоб очень честный,
Но уж зато делец.
Когда у немца глотку
Сдавил Пуанкарэ,
Ллойд-Джордж смиренно — кротко

Возвел глаза горе:
— Вы слишком уж усердны,
А он не так богат.
О, будьте милосердны,
Мой христианский брат!
Притом, — сказать секретно, —
Я сам трясусь, как лист:

Таится незаметно
В нем красный коммунист.
Уладьте дело миром,
Не надо больше зла.
А обрстет он жиром, —
Разденем до гола.

Холерная прививка.

Петр Иванович собрался в Туркестан. Чтобы выехать в Туркестан, надо привить холеру.

Холера прививается двумя способами. Первый способ такой. Человека, при помощи укола, знакомят с холерными вибрионами. От такого неприятного знакомства обычно расстраивается желудок, но не надолго. Зато потом человек гордо ест всякую дрянь, и, если его желудок пробует протестовать, он заявляет:

— Нет, брат, привитого воробья на холере не проведешь! Спрыснутая птица, можно сказать.

Второй способ значительно проще. Из кармана вынимается бумажник, из бумажника вынимаются деньги, денежные микробы передаются рукопожатием по назначению. И у прививаемого холеру мигом вырастает в кармане удостоверение о прививке холеры. Желудок не страдает, лишь кожа на бумажнике слегка морщится.

Петр Иванович, как человек дензначный, выбрал второй способ. Взял билет, показал, где нужно, удостоверение и поехал...

Приближались холерные места. Петр Иванович гордо лазил в боковой карман, показывал удостоверение и ехал припеваючи.

По дороге продавалась масса фруктов. Будучи неопределенных политических убеждений, Петр Иванович ел все: и красные арбузы, и желтые дыни, и белую смородину и даже зеленый виноград.

Конечно, в желудке у него вспыхнула гражданская война. Сначала звучали робкие выстрелы, а потом начались настоящие бои с колючей проволокой и удушливыми газами. Даже в крови красные шарики подняли целый поход против белых.

И вот однажды ночью, в то время, как Петр Иванович тщетно старался уснуть, в вагон заглянула собственной персоной желто-зеленая, скользкая холера и протянула к Петру Ивановичу липкие руки.

— Прививали уж, милая, прививали,—сиясь улыбнуться, зашептал Петр Иванович и привычным движением полез в карман за удостоверением.

Холера повертела в руках удостоверение и со смехом разорвала его в клочки.

— На всякую прививку — есть отвивка. Не все то удостоверение, на чем есть печать. По удостоверению встречают, по холере провожают.

И много еще пословиц говорила холера. Петр Иванович не слушал. Он молча дал забрать себя и лишь, когда холера совсем задушила его в своих объятиях, он пропищал:

— Говорил я: не подписывайте „за главного врача“, а прямо — „главный врач“. Пропали теперь мои денежки!

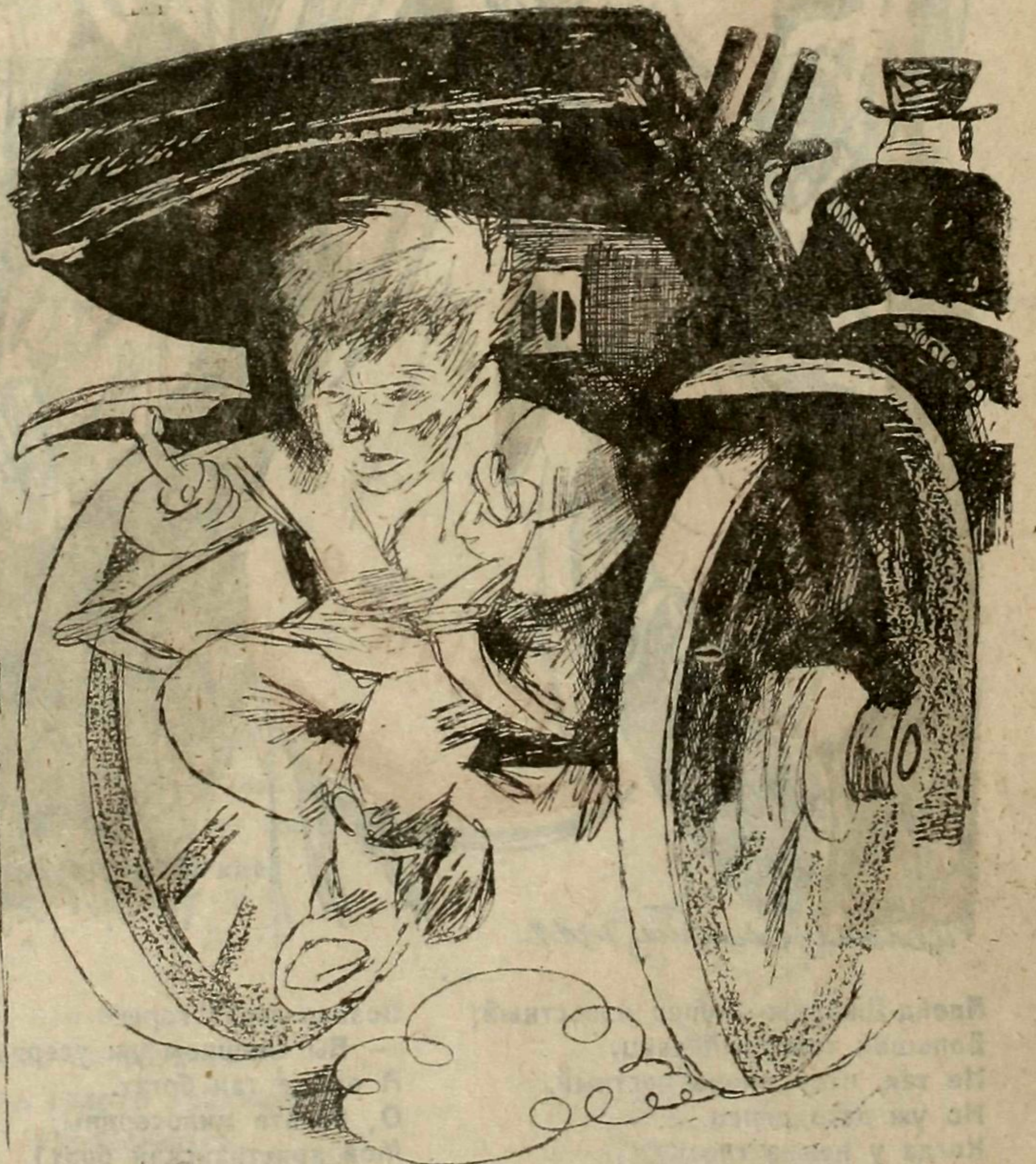
Он не доценил положения: вместе с денежками пропал и сам Петр Иванович.

Вас. Лебедев.

УЛИЧНЫЕ КАРТИНКИ.

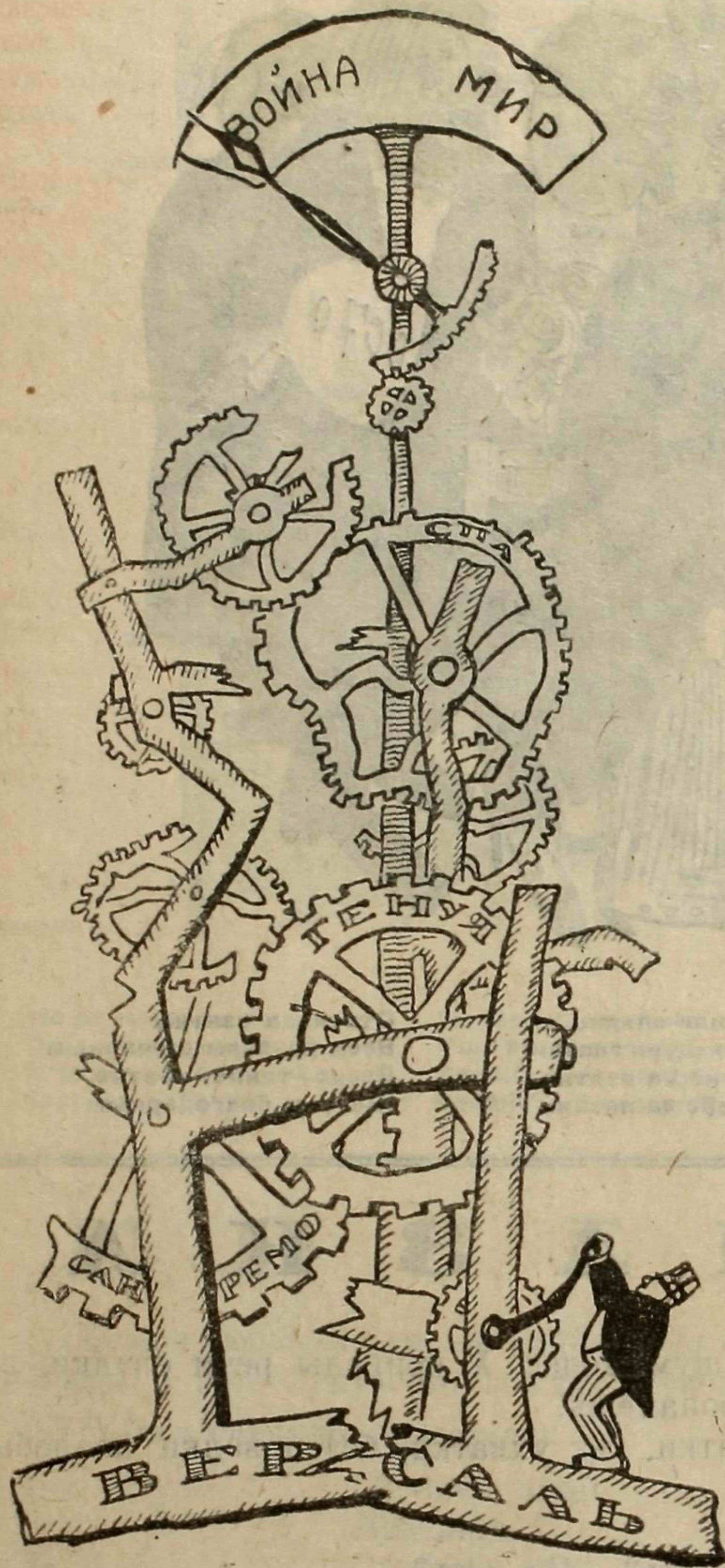
Что-то долго трамвай нет...

Придется на извозчике поехать.

ГЕНУЯ-ГААГА. (Из иностранных журналов).

Дипломатическая машина.

Сколько ни вертят дипломаты—а стрелка все на войну глядит. (Нотенкракер, Амстердам).
Из Генуи в Гаагу.

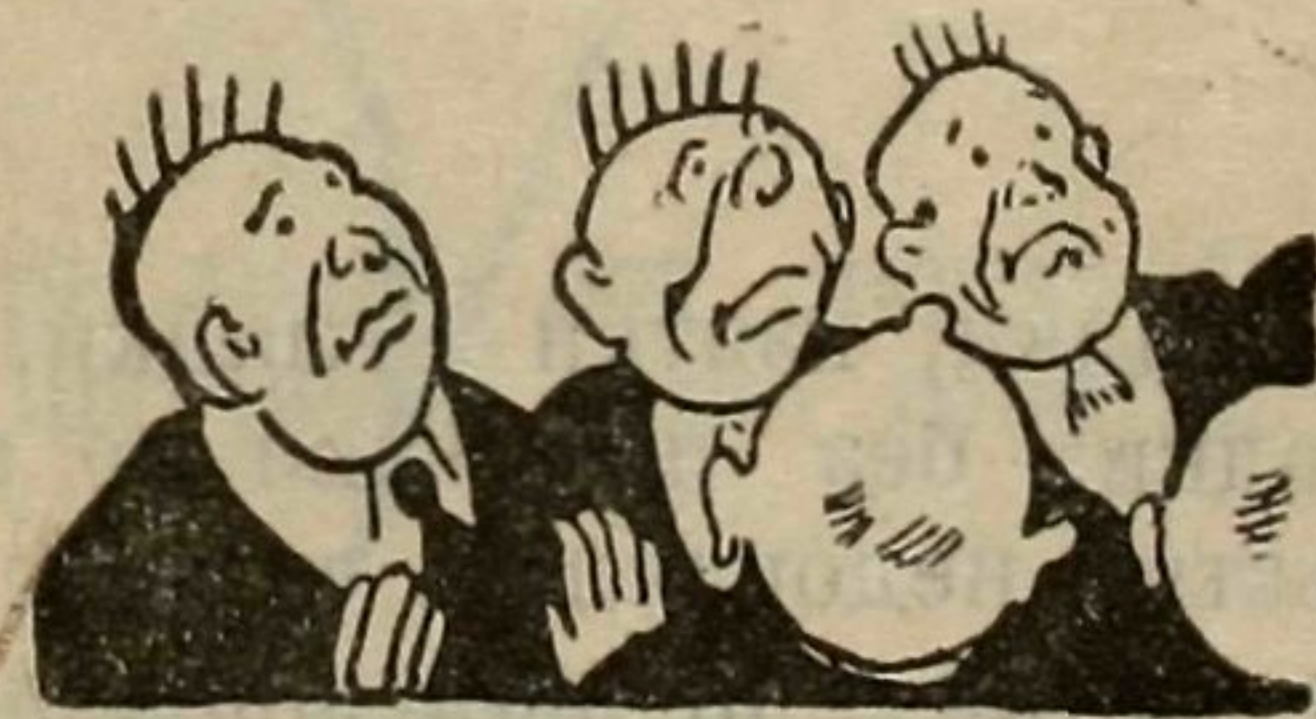
Волшебная палочка. (Нотенкракер, Амстердам).

Литвинов в Гааге.

Раньше белые нас обвиняли в продаже России, теперь нас ругают за неуступчивость.

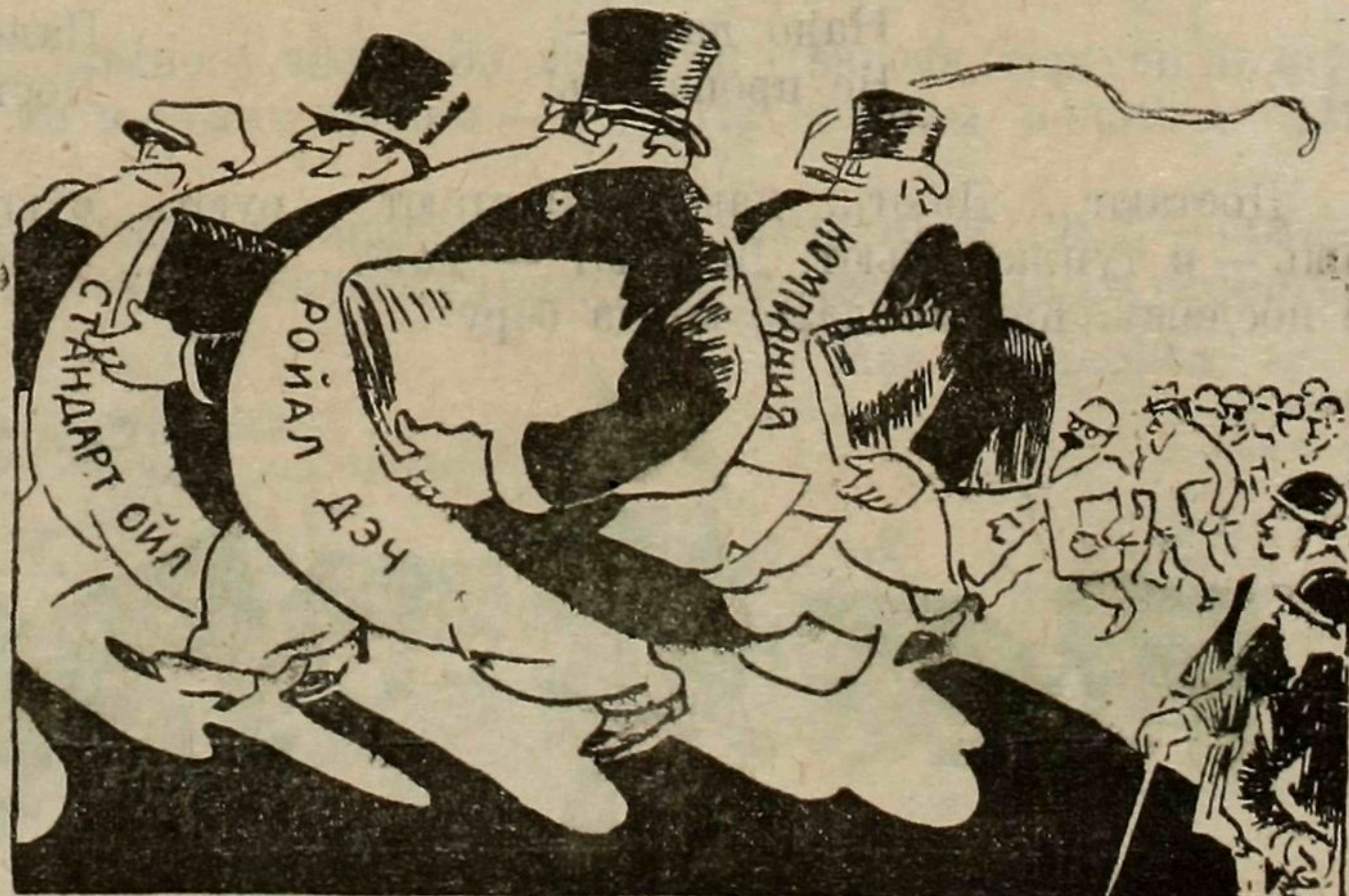

Литвинов (положив ноги на стол) — «Прежде всего кредит!» (Сегодня, Рига).

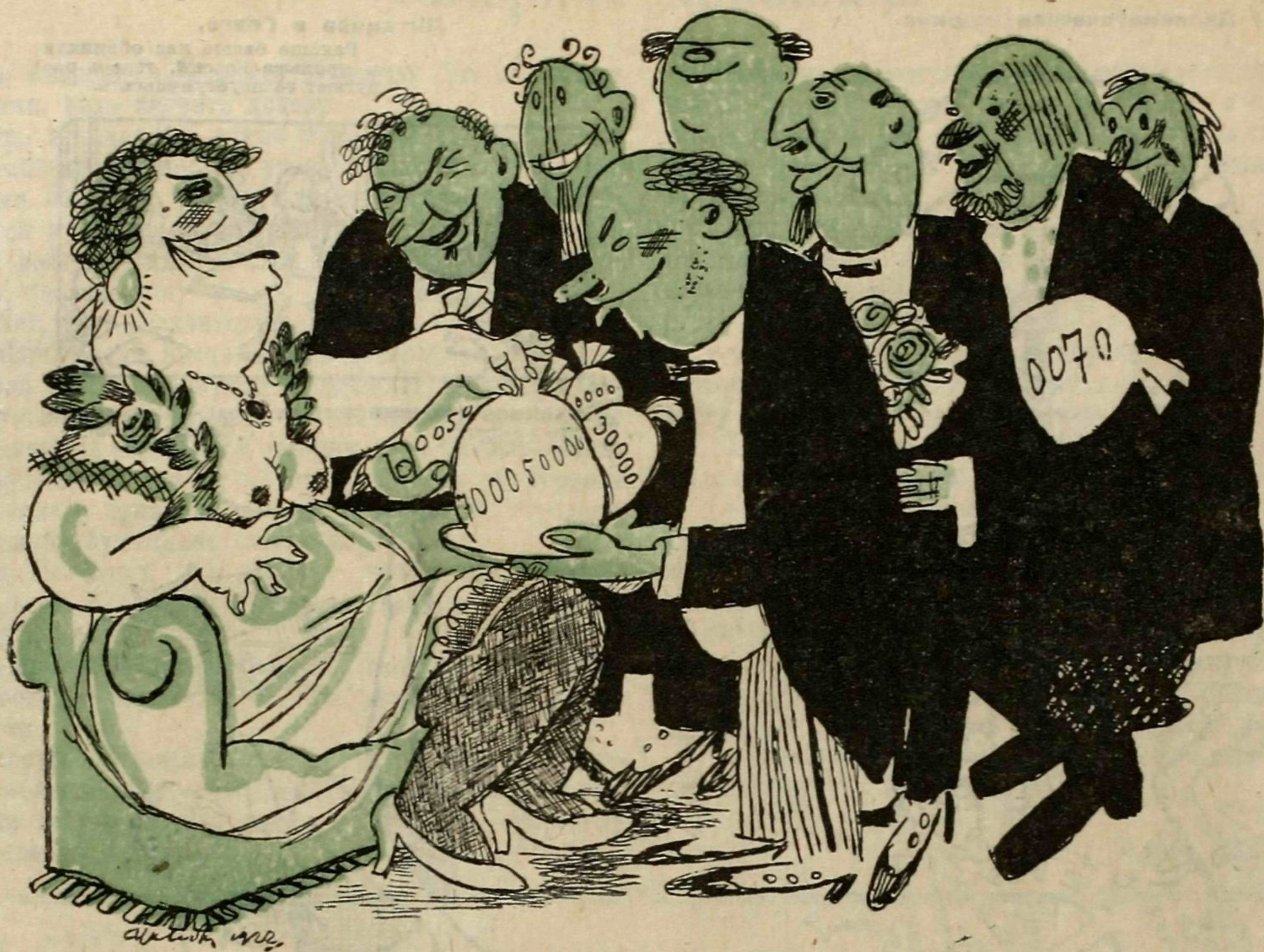
Ллойд-Джордж, мировой чемпион акробатов

Заправили в Гааге.

Не речи,—а нефть!

(Нотенкракер, Амстердам).

Тихо и неслышно
Здесь жила сударка,
Проживала пышно,
Расцветала ярко.

Все несли сударке
За ее таланты
Славные подарки:
Деньги и бриллианты...

Говорили сладко,
Нежно щуря глазки:
Мама наша взятка,
Вот тебе за ласки.

Отвечала взятка
Всем друзьям шикарным
Веско, тонко, кратко
Жестом благодарным.

С М А З К А

Взятки — гладки, взятки — гладки, — выбивает шум колес. У бригады речи сладки, за вагонами догадки: без подмазки не поедешь — пропадешь!

У начальства недоглядки, у кондукторов ухватки, без ухватки, без повадки не добьешься правды - матки — пропадешь.

Дать?.. Не дать?..
Как не дать?
Надо дать —
Не пропадать!

Дать?... Не дать?..
Не все страдать.
Надо деньги доставать,
Доставать...

Доставают... Дают... дают... Доставают — суют... суют... Доставают — опять дают. А не дашь — в тупик забьют. Доставают — дают... дают... Доставают — суют суют... Не подмажешь — не поедешь. Как не дать, когда берут!..

Но однажды к этой
До деньги охочей,
К барышне отпетой
Залетел рабочий

Поражен картиной
Был он до восторга,
Словно пред витриной
Сладкого Винтерга.

И в своих поступках
Вечно смел и ярок
Преподнес голубке
Он и свой подарок.

Взял голубку в терем,
В терем - теремочек
Да еще на двери
Нацепил замочек.

К О Л Е С.

(Голоса кондукторов на манер Лазаря): Сухая-то ложка рот дерет! Сухая-то ложка не лезет в рот! Сухую-то ложку, дозвольте сказать, не зачем в рот совать!..

(Робкая справка пассажира):

Сколько надо
Лимонада?
Сколько надо
Вам награды?

Сколько надо
(Без запроса),
Чтобы смазались
Колеса?

За вагоном, у вагона — сколько денежного звона! За вагоном, у вагона, перегон до перегона, разговор про миллионы (а не то в тупик забьем — мы)! По колесам молотком: „Мы не дорого возьмем“!

А не дашь — тотчас отцепка, перегрузка, остановка... Ну, и ловко, ну и ловко — каждый час у них уловка... Не пройдет и час без спроса на подмазку, на колеса... а не то посмотрят косо и отцепят у откоса...

Мих. Артамонов.

Карл Маркс в Москве.

— Ей-богу, таких вещей никогда не писал!

НАСТЕНЬКА.

Рассказ.

1.
Жена у старшего мастера Петрова молоденькая, черноглазая. Ростом маленькая, за то каблуки у ботинок большие. Идет по слободке в праздничный день—губы розовые, щеки розовые, глаза опущены книзу. Очень скромная женщина. Ни на одного мужчину не взглянет первая. Такой характер. Взглянет мужчина поинтереснее, и она поднимет голову нечаянно. А потом одергет кофточку, поправит прическу двумя пальцами. Опять никого ни видит, кроме старшего мастера Петрова.

Идет начальник мастерских. Усы стрелками, щеки пунцовые, глаза симпатичные. Очень милый человек, но Настенька не обращает внимания. Только потом оборачивается, легонько вздыхает. Молоденькая, а костюм у нее самый не модный. И прическа самая не модная. И сережки в ушах самые не модные. Вообще, несчастная женщина.

2.

Дома плачет. Сидит у окошка за коленкоровой занавеской и на улицу не выходит. А когда плачет женщина—

легче головой удариться в стену. Старший мастер Петров не обедает. Ходит по комнате крупными шагами.

— Что это такое с ней?

Берет за руку, ласковым голосом спрашивает.

— Настенька, почему ты плачешь, милая?

— Не любишь ты меня.

— Очень люблю!

— Не ври. Если бы любил, я бы не ходила, как последняя работница, в ситцевом платье. На улицу показаться стыдно.

— Что же я могу, поделать? Прибавят жалованья—куплю.

А когда прибавят его?

Это верно. Жалованья могут не прибавить долго. Пройдет летний сезон, наступит зимний сезон, появятся новые моды. Опять будет плакать Настенька в ситцевом платье. Она не простая работница,—жена старшего мастера. К тому же лицом недурная и летами нестарая. Только три года, как замужем. Обязательно баловать надо такую жену, иначе любовь семейная может испортиться.

— Скверное положение!

Долго думает старший мастер Петров, решает—перед начальством необходимо выслужиться. Через это и жалованье скорее могут увеличить. Не будет больше плакать Настенька. Получат деньги—в магазин пойдут.

3.

Старается старший мастер Петров, чтобы сохранить любовь семейную. Рабочих прижимает, штраф накладывает. Все перед ним виноватые. Все перед ним неаккуратные. Чувствует—нехорошо выходит, ничего не поделаешь, с Настенькой неприятности не хочется заводить. Молоденькая она, черноглазая. Только три года как замужем. Обязательно баловать надо такую жену.

Рабочие косятся, многие за руку не здороваются. Слесарь Ермаков прямо в лицо говорит.

— Подлец ты, Семен Павлыч, после этого выходишь! За счет рабочего народа хочешь выслужиться.

Горят щеки у старшего мастера Петрова—ничего не поделаешь. Настенькины слезы еще тяжелее, приходит домой, а она перед зеркалом вертится. На лбу кудряшки, на висках кудряшки. Веселая такая, радостная. Глаза, как камешки в кольцах блестят. Увидала мужа—на шею упала. Целует точно маленького. Усы теребит, бороду гладит.

— Знаешь, какое счастье мне нынче?

Сели на кровать, рассказывает. По улице сегодня шла. Видит—под ногами бумажка. Маленькая—маленькая. Мимо хотела пройти, потом остановилась. Подняла эту самую бумажку, а в ней деньги—десять миллионов. Зашла в па-

Женотдел.

За шутку просят не обижаться!

Охрана материнства и младенчества.

рикмахеру с радости, сделала модную прическу. Будет ли ругать ее старший мастер Петров?

Не стал ругать старший мастер Петров. Конечно, можно бы купить на эти деньги что-нибудь из костюма, но раз ей нужна модная прическа, он ничего не имеет против. Правда и человека жалко, который потерял десять миллионов, да это наверное не первый богатый.

Настенька подтвердила.

— Он очень богатый.

— А ты откуда знаешь?

— Если бы он был бедный, он бы те потерял десять миллионов.

— Это правильно.

4.

Цветет Настенька. Десять миллионов — много денег, а вещи совсем не дорогие. Кроме прически, дешево купила сережки по случаю, и золотой браслет на левую руку. А сколько ратозеев, теряющих деньги — ужас! Шла во второй раз из города вечером — на мостовой бумажник валяется. Прямо удивительная штука! Счастье, что ли, такое! Думала, во сне происходит. Подняла бумажник, а в нем — пятьдесят миллионов. Верит ли этому старший мастер Петров?

Старший мастер Петров говорит, по-лаживая бороду.

— Такие случаи редки, но они бывают.

— Ты не будешь сердиться, если я куплю на эти деньги хороший костюм?
— Зачем я буду сердиться? Ты нашла, твое и счастье. Делай на них что хочешь.

Какой симпатичный муж! Дергает Настенька за бороду его, смеется, целует, ласкается.

— Я скоро еще больше найду.

— Почему ты знаешь?

— Чувствую. Нашла два раза, найду и в третий. Тогда я тебе обязательно куплю новые брюки.

Какая симпатичная жена!

Гладит бороду старший мастер Петров, думает.

— Бывают такие случаи.

5.

Рабочие на заводе говорят.

— Какая жена счастливая у старшего мастера Петрова. Чуть не каждый день находит бумажники с деньгами.

Слесарь Ермохин хвалится.

— Я знаю, кто деньги теряет.

— Кто?

— Начальник наших мастерских.

Когда потерял в первый раз десять миллионов, жалованье не додали нам. Потерял пятьдесят — не додали еще больше.

Услыхал старший мастер Петров, говорит Ермохину.

— Ты на каком основании распускаешь сплетни про мою жену?

— Очень счастливая она у вас, Семен Павлыч.

— Ты доподлинно знаешь об этом?

— Знаю. Сам видал, в автомобиле ехала городом. В магазин заходила, была в ресторане Амбир.

— Не рассказывай никому.

— Все знают об этом. Я последний узнал.

5.

Настенька шоколадку кушает в постели. Тоненькая, бледная. Под глазами синяки, на лбу завитушки. Под подушкой зеркальце потайное. Спать ложится — носом лезет в него. Ночью проснется — носом лезет в него. Такая мода теперь. Все буржуйки по три зеркала имеют. Самое большое — на стене, поменьше — на комод, самое маленькое — в ридикюле. Пока у Настеньки только два. Захочет — будет четыре. Улыбается сидит. Муж, старший мастер Петров, ничего не знает. Вынула зеркальце, смотрится. Да, она интересная. Если начальник мастерских перестанет терять наземные деньги, потеряет кто-нибудь другой. А все-таки скучно жить с мастером Петровым. Compliments говорить не умеет. Настоящий мужик! За три года в ресто-

рая ни разу не водил. В театры ни разу не водил. Шоколадкой ни разу не кормил. Надо уйти от него. Какой интерес жить с таким человеком?

6.

Идет домой старший мастер Петров, думает.

Что теперь с Настенькой делать?

Решил. Прежде допытаться надо. Сознается во всем — раза три ударить хорошенько. Станет кричать — избить до полусмерти. За это и на суде оправдают: расстроенное состояние. А если прощения будет просить? Да. Если по глупости бабьей все сделала? Это дело сурьезное.

Сильно болит голова у старшего мастера Петрова. Подходит к квартире, думает.

— Все-таки ударю раза два.

7.

Висит на гвозде ситцевая Настенькина юбка. Лежат на окне проволочные шпильки из Настенькиной головы. В одной коробочке пудры немножко. В другой коробочке краски немножко. Черные волосы в гребешке остались. Старые ботинки под кроватью остались, а Настеньки нет. Час ждет, два часа ждет — нет. Ночь уходит, утро подхо-

Комсомол.

За шутку просят не обижаться!

Мальчик по возрасту и мальчик по профессии

дит—нет. Сильно болит голова у старшего мастера Петрова. Молотками стучат по вискам. Сто ножей режут сердце на маленькие кусочки. Сто дьяволов хохочут в лицо. Взял ситцевую Настенькину юбку—разорвал пополам. Взял проволочные шпильки из Настенькиной головы—согнул пополам. Грохнул коробочки на пол—мало. Сердце еще пуще разгорается. Грохнул две тарелки на пол—мало. Сердце еще пуще разгорается. Голову Настенькину разбить хочется. Зверем хочется завывать от обиды.

8.

Сидит Настенька на коленях у черного богатого армянина, кушает шоколадку. Домой просится—армянин не пускает. Отдохнуть хочет—армянин не устал. Везет ее в первый магазин—покупает модные шпильки. Везет во второй магазин—покупает модные чулки. И сама Настенька не узнает свои ноги в модных чулках. Очень уж замечательные. Вся жизнь теперь, замечательная. Фруктов захочет—армянин угощает фруктами. Да. Он ее любит. Молоденькая она, черноглазая. Сидит Настенька на коленях у богатого армянина—кушает шоколадку. А старшего мастера Петрова ведет милицейский в участок: очень на улице городской буйнит—пьяный от обиды и выпитой

водки. Неделю пьет—горе не забывается. Две недели пьет—горе не забывается. Носит в кармане отточенный ножик, думает.

— Я ее зарезу.

Нет на свете горя, которое не забывается. Через месяц старший мастер Петров моется в бане, надевает чистую рубаху. Чешет бороду костяным гребешком, думает:

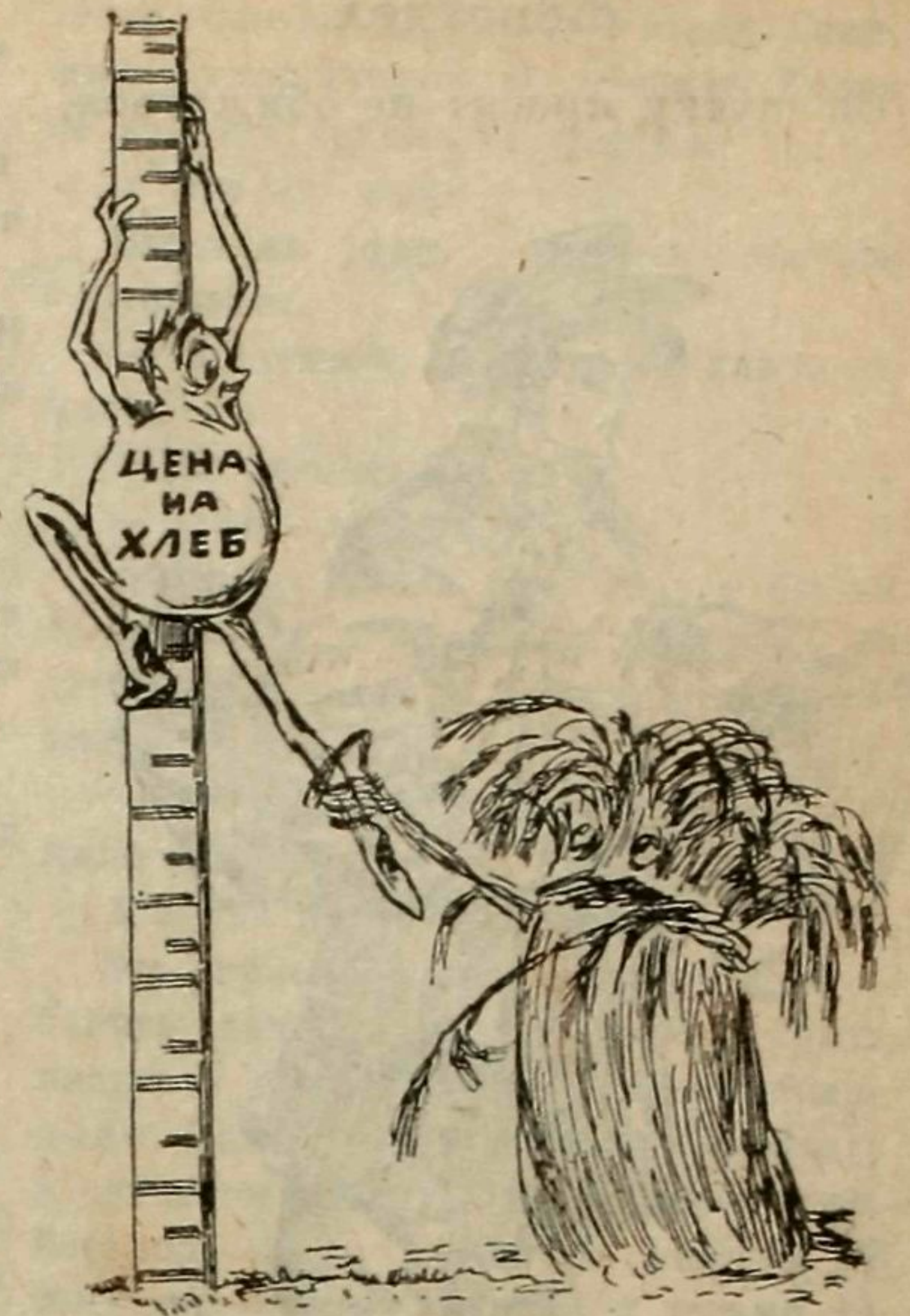
— Зачем буду страдать из-за глупой женщины? Человек я серьезный, тридцати восьми лет. Специальность свою знаю прекрасно. Пусть живет по-своему, я буду по-своему.

9.

Гонит Настеньку богатый армянин—идет на бульвар. Сидит на скамеечке с синими подведенными глазами—дождик накрапывает. Ветер срывает первые листья. Ближе сентябрь месяц. Ниже спускаются тучи. Холодно Настеньке в тоненькой кофточке, тухнет в руке папироска. Видит комнатку в рабочей слободке—теплую, маленькую, с коленкоровыми завесками. Кривятся подкрашенные губы, падает папироска из рук. Смотрит на упавшую папироску. По белой напудренной щеке катится слеза.

— Скоро начнется осенняя слякоть.

Александр Неверов.

Цена и урожай.

Лезет вверх цена ехидно,
Кажет злобное мурло,
Где конец? Конца не видно...
У рабочих дух светло.

Вдруг ржаной, ядренный крепкий
Вырос рядом урожай,
Ухватил за цену цепко
И к земле ее прижал.

— Нанесла мне много ран—ты,—
Счеты нам пора свести
Пусть заплачут спекулянты:—
Хлеб повсюду на пути!

Крышка!

Отдел управления Московского Совета, в целях ограждения доверчивой и суеверной части населения от эксплуатации со стороны гадалок, хиромантов и разных предсказывателей, воспретил сеансы хиромантии, гадания и разного рода прорицания, где-бы они не проходили.

Из газет.

Крышка, крышка хиромантам,
Их дешевым чудесам,
Надувательским талантам
И— внушительным счетам!

Крышка «мудрым» звездочетам,
(Вылетайте все в трубу!)
Что гадали идиотам
Про дальнейшую судьбу!..

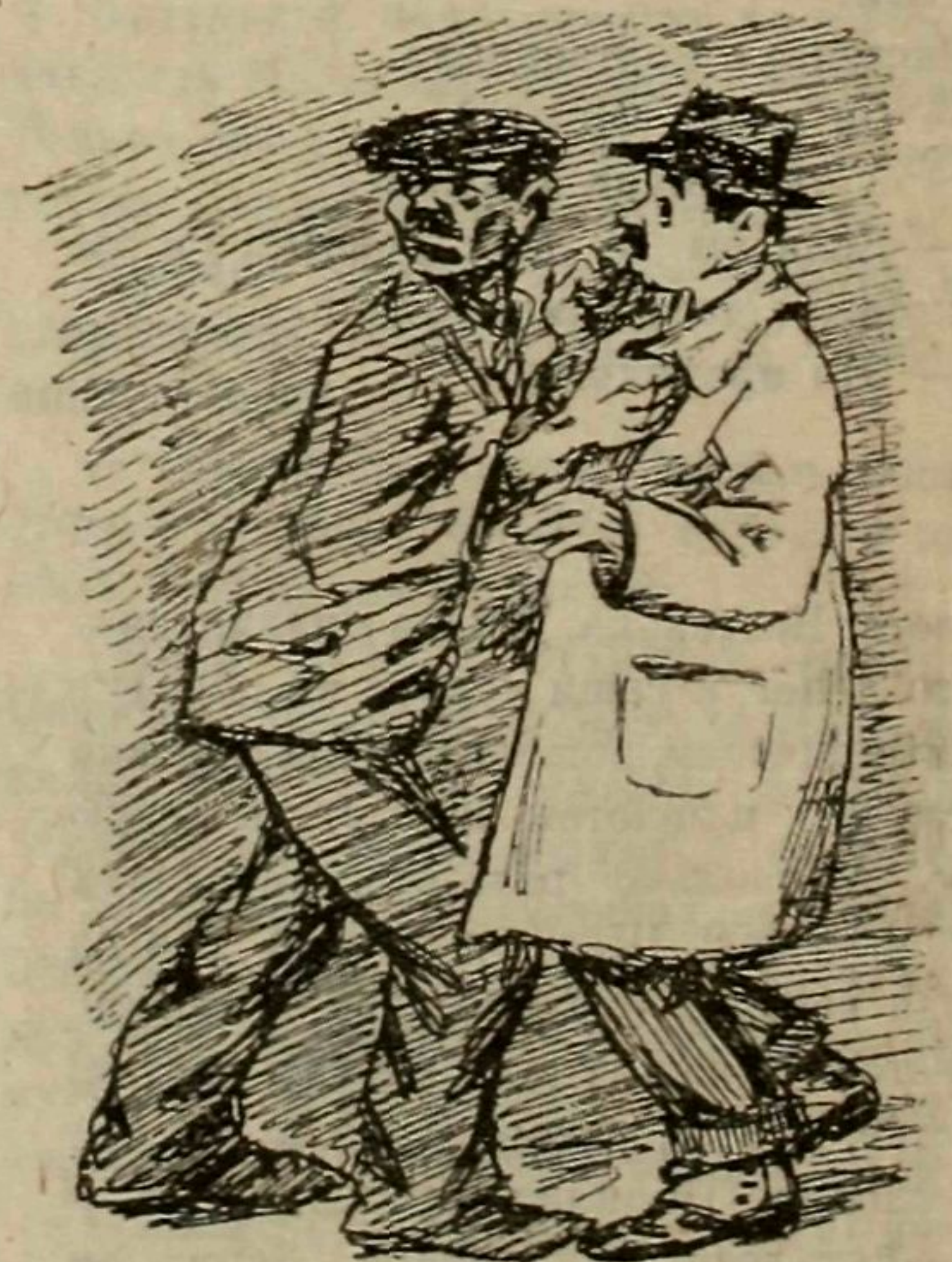
Нам не нужно их участие!
Звездочет, нас не пугай!
Ах, еще недавно «счастье»
Вынимал нам попугай!..

Но теперь пора другая:
Бьемся—с козостью в борьбе!
Сами мы без попугая
Счастье выкуем себе!

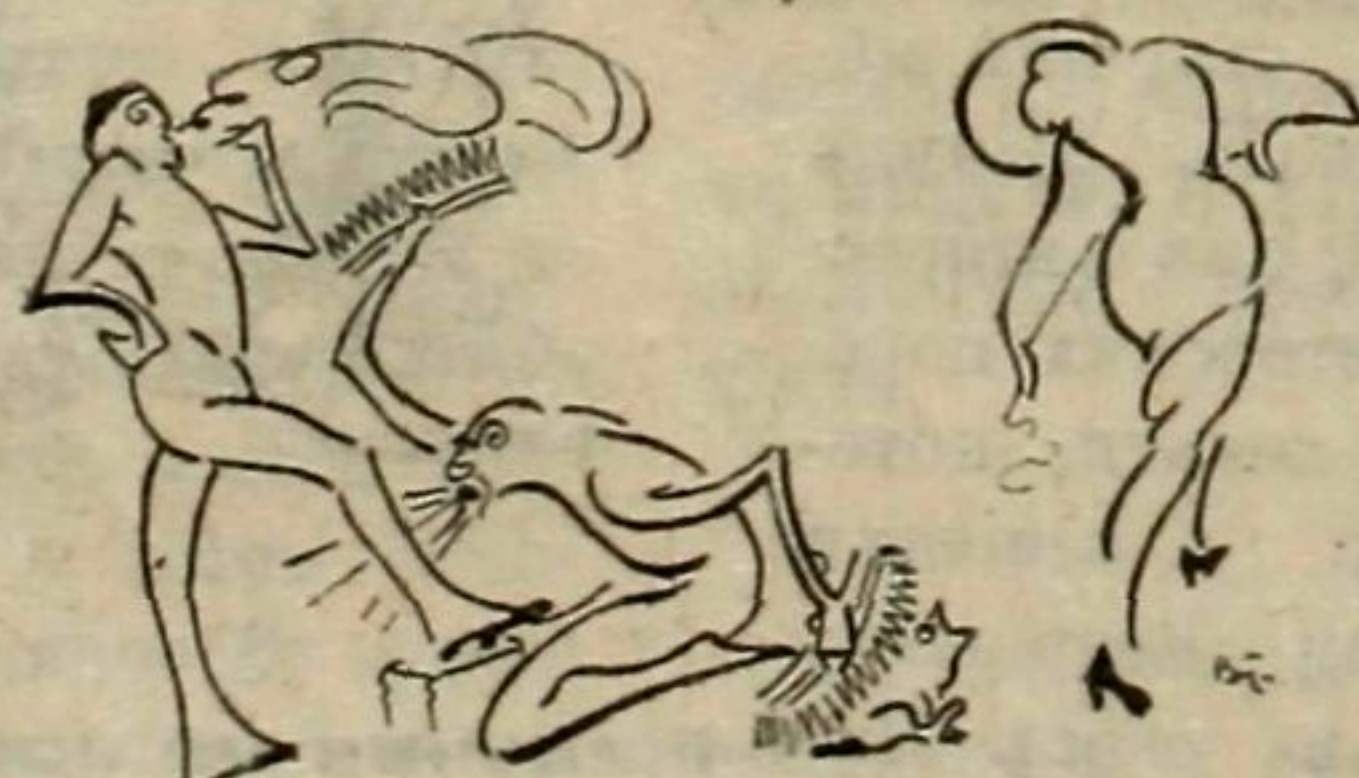
«...Будет легкая интрижка...»
«...Дама-треф вас ждет, любя...»
Суеверью—крышка, крышка:
ВЕРИМ только мы В СЕБЯ!..

МИХ. ПУСТЫНИН.

Уличные картинки.

— Послушайте, вы не видели тут по близости милиционера?
— Да нет... Не встречался...
— Очень приятно! Снимай пальто!

Увесистый аргумент.

При усмирении одной готтентотской деревни (Африка), в толпу из 500 человек англичане выпустили 2 тысячи пуль и бросили с аэроплана 40 бомб.

(Из газет).

— Готтентоты—что такое?— слюбопытствовал Джон-Буль.— Правда-ль, это племя злое не боится наших пуль?

— Точно так-с!—ему сказали,—этот самый готтентот, хоть и рот ему связали,—громко требует свобод.

— А свобода—что такое?—Джон вопросом занялся.

— То беда. А это—вдвое!

Джон промолвил:

— Чудеса! Знаю многое-такое, всюду лазил, как нахал, но, ей ей, про это слово, хоть убейте, не слышал. На каком таком законе о свободе говорят? В буржуазном лексиконе ей давно прописан мат. И болтать о ней чего то! Тут не Русь, не РКП...

— Лейтенант! По готтентотам!

— Рота! Слушай! По толпе!

— Рота! Пли!

... Лежат с чего-то... хоть и пущено-то в них пуль по десять в готтентота, по гравате на троих.

— Готтентот, не лицемерить! Встать! Молчать! Не рассуждать!

— Лейтенант, еще проверить залпом этаким опять.

... Снова залп пустила рота...

Было пущено опять пуль десяток в готтентота, на троих—сварядов пять. Ни один не шелохнулся.

— Лейтенант! Они лежат!!!

— Джон довольно ухмыльнулся и отправился назад.

— Вот, опять, прекрасный случай всем сказать, что я не трус, и под сей свинцовой кучей, и... свободы не боюсь.

В. Кубанский.

Урожай.

Как у мертвого села
Будь ты, радость, весела.
Тренькай,
Веренькай
Над тихой деревенькой
Аленький,
Удаленький
Гармонный перелив!
Будь ты, радость весела,
Будь ты, жизнь, весела.
Тронь-ка,
Гармоника,
Тишину села!

Уродилася рожь—
Собирай—не сберешь!
Ах, хорош, ах хорош
Урожай давала рожь.
Ах, и вырос же овес
От весенних, теплых рос,
Он волнами завился,
Закудрявился.
А ячмень—то, ячмень,
Между тихих деревень
Звонкими метелками,
Колкими иголками
Все шумит да звенит,
Соком золота налит.
А пшеница золота,
Позолотой налита,
Веточки качает,
В поле роняет
При ветрах голубых
Звон метелок золотых.

Как у мертвого села
Снова радость весела.
Закудрявились смехом
Алых зорь колокола.

Кузьма Рошин.

Раскол церкви.

Письмо в редакцию.

Уважаемый товарищ редакция!

С пеной у рта протестую против допущенного в 9-ом, „ярмарочном“ номере приложения к „Рабочей Газете“ грубого искажения фактов.

Вы поместили в числе „дружеских шаржей“ мой портрет с надписью „Новая Бавария“. Хороша „дружба“! Все дрожжи закипели во мне, когда я прочла эту надпись.

Пусть запомнят все и каждый:

Бадаевское пиво, пиво Пено—только „Старая Бавария“—и никаких других!

Остерегайтесь подделок!.. Все, как один, спрашивайте пиво „Старая Бавария“!

Посылаю вам свой порт-

рет в исправленном виде и надеюсь, что вы не откажетесь поместить его в ближайшем номере.

И пиво имеет свое самолюбие.

Все газеты прошу перепечатать.

Бочка из-под Бадаева.

От редакции: Редакция извиняется за допущенную ошибку.

„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“

Подписная цена с доставкой и пересылкой в Москве и в провинции на

Август:

вместе с иллюстрированным сатирическим приложением . . . . . Р. 100

Сентябрь:

без приложения . . . . . Р. 100
с приложением . . . . . Р. 150

Октябрь:

без приложения . . . . . Р. 100
с приложением . . . . . Р. 150

Можно подписываться на 1, 2 и 3 месяца.

Подписку и деньги надлежит адресовать исключительно в Главную контору:

Москва, Страстной бул., Путинковский п., д. 3.

Во избежание перерыва в высылке газеты, Главная контора просит подписчиков, приславших суммы меньше против подписной платы, озаботиться присылкой недостающих сумм.

Главная Контора.

М. С. Н. Х.

„МОСПОЛИГРАФ“

ИСПОЛНЯЕТ БЫСТРО,
ХУДОЖЕСТВЕННО
:: и НЕДОРОГО ::
ВСЕ ВИДЫ РАБОТ
ПЕЧАТНОЙ ТЕХНИКИ.

ЗВОНИТЕ И ВЫЗЫВАЙТЕ

уполномоченных представителей и агентов по приему заказов на ТИПОЛИТОГРАФСКИЕ и ПЕРЕПЛЕТНЫЕ работы по телеф.: 4-57-09, 5-83-01, 22-11.

АДРЕС ПРАВЛЕНИЯ:

Рождественский бульвар, 12.

Директ. объединения Н. ПОЛЯКОВ.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
НА
„РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ“.

„Рабочая газета“ — газета самих рабочих!

„Рабочая газета“ освещает труд, быт и борьбу рабочих во всей России.

„Рабочая газета“ дает ответы на все вопросы, волнующие рабочих.

По воскресеньям „Рабочая газета“ выходит с иллюстрированным и сатирическим приложением.

Кто хочет весело посмеяться над врагом, да и над иным неудачливым другом — тот подпишется на „Рабочую газету“ вместе с приложением.

Партийные ячейки! Профсоюзы и завкомы! Все рабочие организации!

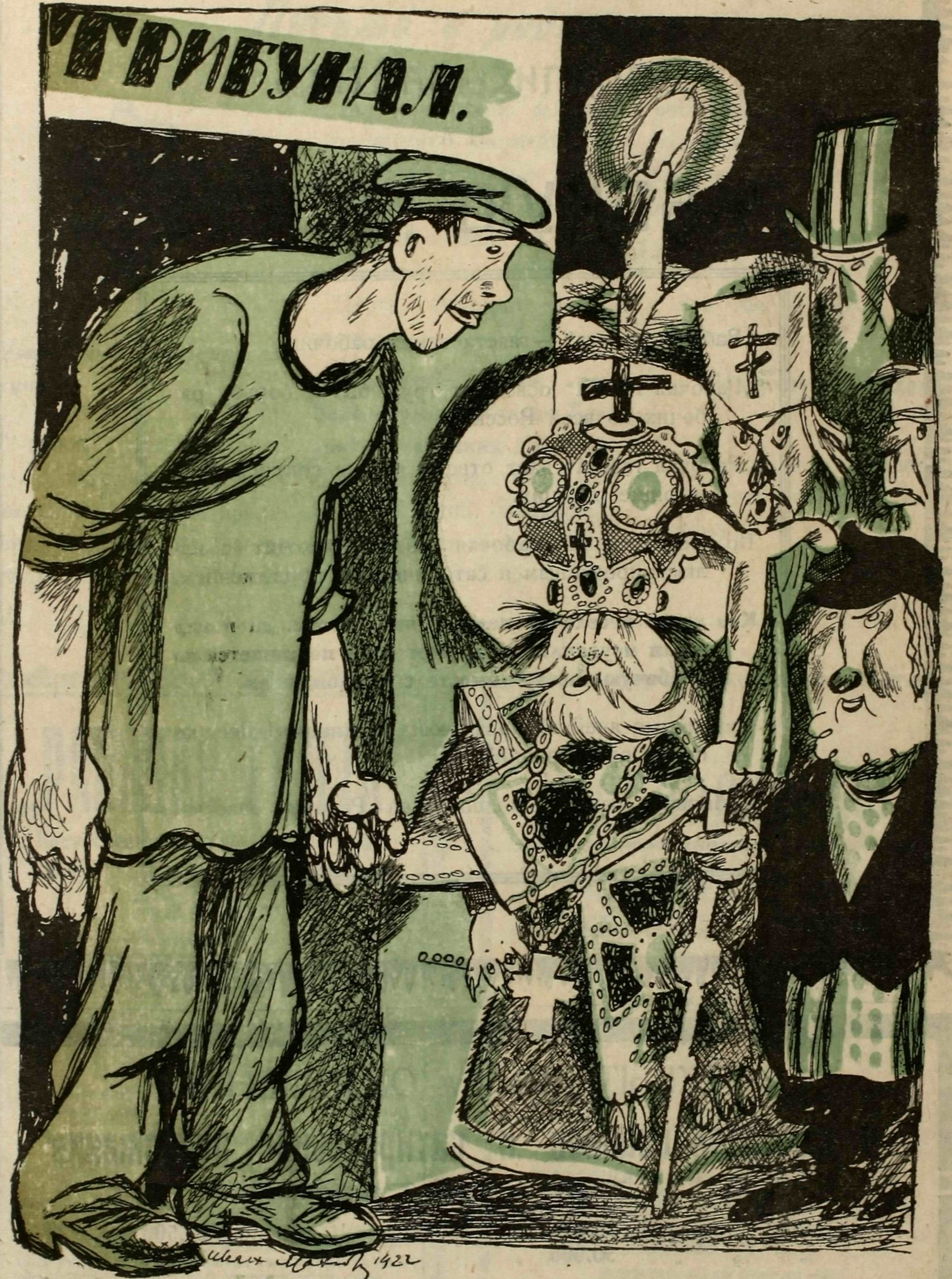
Собирайте массовую подписку на „Рабочую газету“!

ОТКРЫТ ПРИЕМ ОБЪЯВЛЕНИЙ
В иллюстрированное и сатирическое приложение
к „Рабочей Газете“

Цена	1 страницы	90.000	руб.		Цена	$\frac{1}{4}$ страницы	27.500	руб.
"	$\frac{1}{2}$	"	50.000	"	"	$\frac{1}{8}$	"	15.000

▶ ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Страстной бульвар, Путинковский, 3. ▶

Рис. худ. П.в. Малютина.

Иван Малютин 1922

С эс-эрами кончил... Кто следующий?

Редактор: Редакционная Коллегия.